

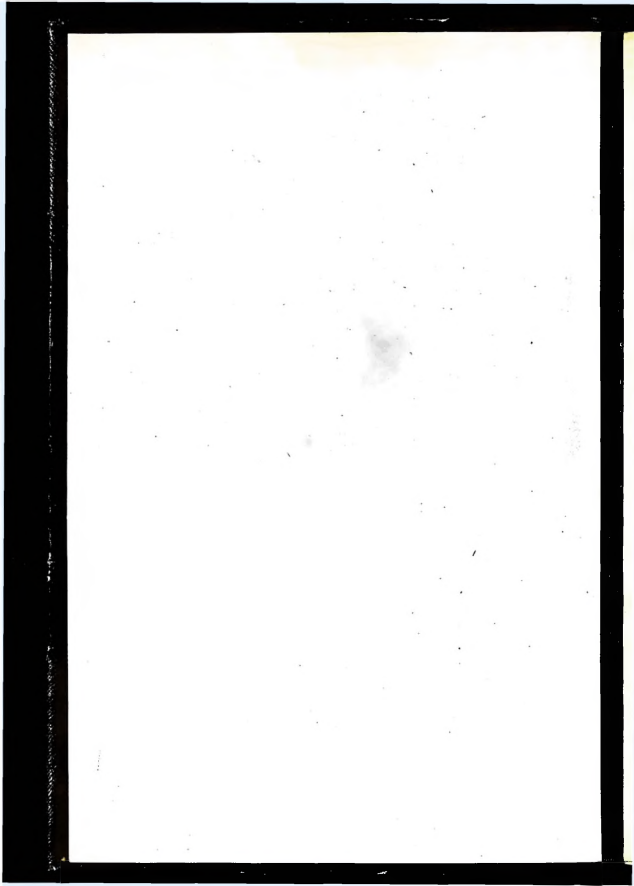
УД.
160
3320

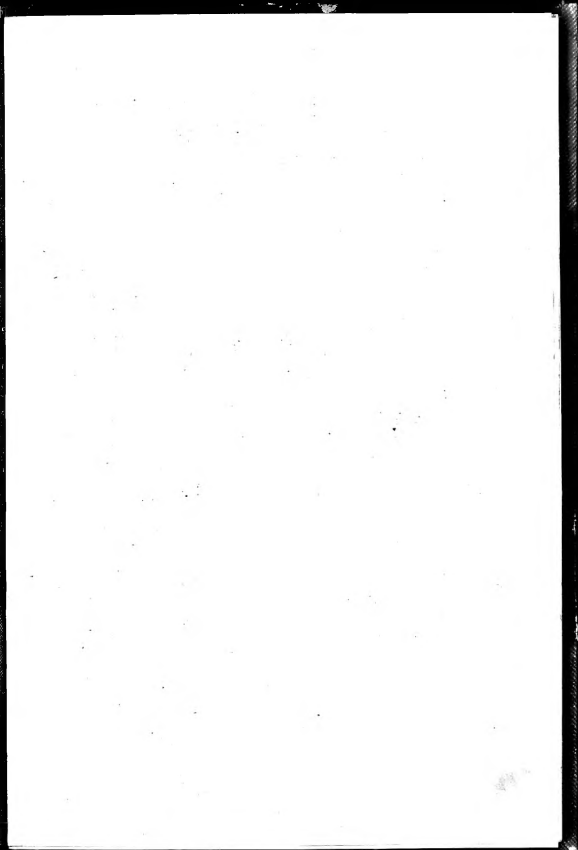
ПРОБЛЕМЫ ЗАДАЧИ РАБОТЫ
НАУЧНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

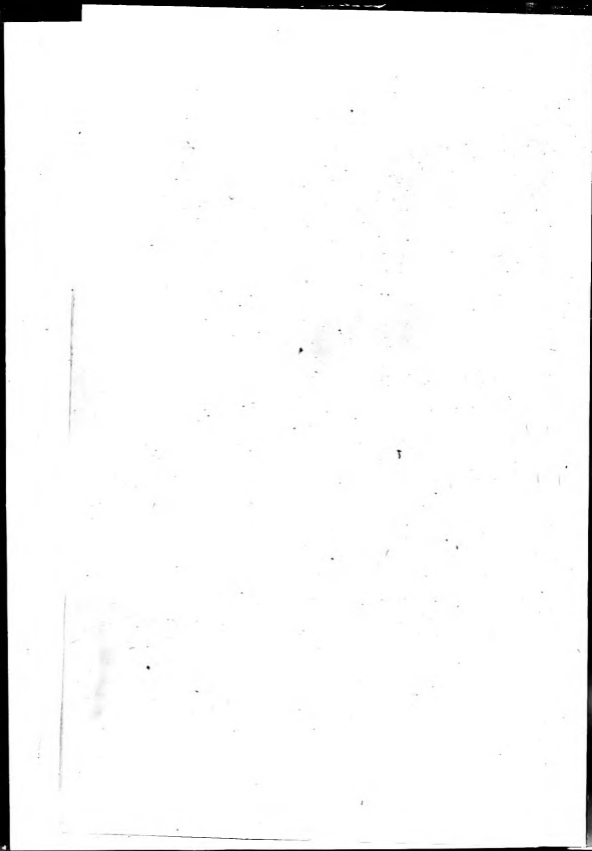
ИСТИТУТ АЕРНА
БИБЛИОТЕКА

ЕНТН
3457

ИСТИТУТ АЕРНА
БИБЛИОТЕКА

ЕМ171

3457

Л. ТРОЦКИЙ

ЗАДАЧИ РАБОТНИКОВ
КУЛЬТУРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Речь

*на Всесоюзном Съезде участковых врачей
8 декабря 1925 года*

ИЗДАТЕЛЬСТВО НКЗ—РСФСР
„ОХРАНА МАТЕРИНСТВА И МЛАДЕНЧЕСТВА“
МОСКВА 1926

1938

REPORT OF THE
COMMISSIONERS OF THE
DEPARTMENT OF HEALTH

FOR THE YEAR
1938

DEPARTMENT OF HEALTH
COMMERCIAL BUILDING, 100 STATE STREET,
BOSTON, MASSACHUSETTS
1938

ЕН 171
3 457

Л. ТРОЦКИЙ
Ж

ЗАДАЧИ РАБОТНИКОВ КУЛЬТУРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Речь

на Всесоюзном Съезде участковых врачей
8 декабря 1925 года

ИЗДАТЕЛЬСТВО НКЗ—РСФСР
„ОХРАНА МАТЕРИНСТВА И МЛАДЕНЧЕСТВА“
МОСКВА 1926

ЕН171
3457

Всесоюзный
Институт
при ЦУ

~~12035~~
~~2347~~ с.1.
~~78~~

1062666

ЗАДАЧИ РАБОТНИКОВ КУЛЬТУРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Товарищи, время наше таково, что каждый съезд, особенно такой крупный, имеющий такое общее значение, как ваш, является вехой, отмечающей новый отрезок нашего общественного и культурного развития. Ваш съезд — съезд низовых работников Здравоохранения, вызывает в памяти книгу, которая, около двух десятилетий тому назад, волновала умы вашей корпорации. Я имею в виду книгу писателя-врача, тов. Вересаева, 40-летний юбилей писательской деятельности которого недавно отмечался прессой (*аплодисменты*).

И невольно, товарищи, приходит в голову, что если бы даровитый врач молодого поколения написал нам новые „Записки Врача“, охватывающие период с 1914 года до наших дней — это была бы очень поучительная, очень выразительная и в высшей степени воспитательная книга. Жизнь была по врачу за эти 12 лет и тупым и острым концом, и была тяжело... Мне довелось ближе наблюдать работу врача в условиях нашей гражданской войны, — может быть, в тягчайших условиях, какие когда-либо выпадали на долю врача. Это был период напряженного и острого раскола в рядах старой русской интеллигенции. Часть врачей была увлечена общим потоком господствующих классов за пределы нашей страны. Те, что остались, может быть, не имели времени тогда рассуждать и обобщать, ибо страна задыхалась в тисках голода и бедствий гражданской войны, и врач шел, как врач, за Красной Армией

в тифозные поезда, перевозившие через тифозные губернии молодых красноармейцев, из которых в каждом поезде единицы и десятки, а то и более того, нередко превращались по пути в замерзшие трупы. И врач, скованный бессилием разрухи, делал, что мог, и сделал многое, — и если рабочие и крестьяне отбились в тот период от врагов, если они вырвались из огненного кольца интервенции и последовавшей за ней блокады, то не малая доля заслуги в этом по праву принадлежит низовому врачу нашей страны.

Ваш съезд, товарищи, собирается в момент, который намечает новый перелом в нашем общественном развитии. У нас уже вошел в обиход термин, определяющий истекшие годы нашей хозяйственной культурной работы, как восстановительный период. Этот термин неточен. Если его продумать, то он и неправилен, ибо мы вовсе не восстанавливаем то, что было, хотя условная правда в этом определении есть. В области хозяйственной мы сейчас приближаемся к тому уровню промышленного и сельско-хозяйственного производства, на каком стояла наша страна накануне 1914 года, когда она стала быстро скатываться и падать вниз. В этом смысле истекшие годы и особенно 4 последних года после завершения гражданской войны были восстановительными годами, но восстановление довоенного хозяйственного уровня шло в новых общественных и тем самым в новых культурных формах. И если мы хотим мысленным взором окинуть то, что было, и то, что есть, и понять, куда мы идем, то мы должны всегда мысленно отделять вопрос о развитии нашей техники, наших производительных сил, т.-е. об уровне нашего материального богатства, от вопроса об общественных формах использования этого богатства. Одно зависит от другого, но в то же время это, так сказать, два этажа общественного здания. Чтобы сразу выразить свою мысль резко и отчетливо, я скажу вам, что если бы нам дать накопленные богатства передовых капиталистических стран, то при нашем общественном строе они получили бы иное применение, иное распределение, иное культурно-бытовое использование. Советская рабоче-крестьянская трудовая форма общественности при более высоком уровне развития хозяй-

ства, разумеется, дала бы массам во всех областях, в том числе и в области здравоохранения (а это не последняя область по важности, и чем дальше, тем больше она будет выдвигаться на передний план), несравненно более высокие результаты. Но и сейчас, — в этом каждый обязан отдать себе отчет, — мы можем сказать, что мы стали богаче, чем были год тому назад, значительно богаче, чем были два года назад и несравненно богаче, чем были три года тому назад, что не мешает нам признать, что мы все еще чудовищно бедны... Я останавливаюсь на этом, в сущности само собой разумеющемся констатировании факта потому, что как раз сегодня на глаза мне попались 2—3 экземпляра зарубежной эмигрантской белой печати. Я не являюсь ее ревностным читателем, но бывают в жизни случайности, не всегда приятные. В берлинской газете „Руль“ я наткнулся на утверждение, которое показалось мне поучительным.

„Руль“ — газета образованнейшая, как вы знаете, — в ней принимают участие кадеты, инженеры, адвокаты, вероятно, там есть и врачи (смех). И вот передовица этой газеты — свежая, от 22 ноября — говорит следующее: „Громадные капиталы, попавшие в руки Советской власти (т.е. те, которых они не успели увезти), приносят систематические убытки, которые постепенно съедают самый капитал“. Вот уже совершенно фантастическое утверждение, и для просвещенных и образованных людей прямо-таки компрометирующее. Если остатки капиталов, которые мы расходовали и хищнически расходовали во время гражданской войны, дают после гражданской войны одни убытки, то спрашивается: каким образом увеличивается наш государственный бюджет? За 3 года государственный бюджет увеличился втрое, он подошел к 4 миллиардам рублей. А наш экспорт и импорт вырос до одного миллиарда рублей. Продукция нашей промышленности за три года выросла в три раза. Сельское хозяйство подошло к довоенному уровню, — и вот оказывается, что мы продолжаем проживать остатки того капитала, который нам соблаговолили оставить и который мы не окончательно израсходовали во время гражданской войны. Тут что-то концы не

сведены с концами. Это не объективная оценка положения, это — борьба с нами, товарищи. Они хотят опрокинуть строй, который им ненавистен. И мы бывали в таком положении и боролись с буржуазным строем, желая его опрокинуть, — говорят даже, что мы имели в этом направлении кое-какой успех (*смех и аплодисменты*). Но, товарищи, когда мы боролись, то боролись серьезно и добросовестно, — не по отношению к врагу, — ибо что такое добросовестность по отношению к врагу? — но по отношению к своей собственной цели. Мы знали, что нельзя обманывать себя, что нужно учитывать все, что есть у врага, и учитывать — становится ли он крепче или слабее. Мы писали книги. Есть книга о развитии капитализма в России Владимира Ильича, который писал тогда под псевдонимом „Владимир Ильин“. Он подводил баланс прихода и расхода царизма и буржуазии и к каждой цифре он относился — марксистская школа обязывает так относиться — в высшей степени серьезно, добросовестно и внимательно. И только потому, что мы внимательно следили за фактическим ходом хозяйственного развития страны и за процессом обогащения нашего врага, только потому мы и сумели его опрокинуть. А вот класс, который господствовал, который имеет в своих руках науку прошлого, оценивая через свой руководящий орган наше развитие, заявляет, что мы работаем в убыток и проживаем остатки капитала, съедаем самый капитал. Но статистика говорит, что капитализм развивался до войны на 7⁰/₀, т. е. динамический коэффициент его развития равнялся 7⁰/₀. Мы же сейчас, восстанавливая хозяйство на основах старого капитала (само собой разумеется, эта оговорка необходима), имеем динамический коэффициент развития, который равняется 40—50⁰/₀. Я бы сказал, если говорить грубо, — не знаю, является ли этот термин медицинским, — что в этих утверждениях белой печати видна собачья старость (*смех и аплодисменты*).

Я мог бы привести еще несколько примеров, если бы не боялся отнять у вас попусту время (*Голоса: просим, просим!*)... Нет, товарищи, незачем. Ведь я хотел сказать о газете „Дни“, — вы, конечно, этого не знали, а потому и просили привести цитату. Я хотел сказать об эсеровской газете „Дни“.

которая пустилась на еще более пошлое зубоскальство в оценке наших ошибок и недостатков. А само собой разумеется, что наряду с успехами у нас есть ряд крупных ошибок и недочетов, которые мы исправляем, и идем вперед. И вот того, что мы идем вперед, оспаривать нельзя. Мы подходим к грани восстановительного процесса, но в новых общественных формах, и весь вопрос впервые в истории поставлен так: как эти новые общественные советские формы, как эта новая организация присвоения, распределения и использования того, что дает техника, — отразится на жизни масс, на просвещении масс, на здоровье масс города и деревни. Это есть высшая и последняя проверка.

Под этим углом зрения я обратил большое внимание — просто, может быть, потому, что раньше этого не знал — на одну небольшую таблицу, которую я впервые встретил в тезисах тов. Лебедевой на всесоюзном совещании по охране материнства и младенчества. Цифры этой таблицы касаются смертности младенцев до годового возраста. Вероятно, большинству из вас они известны, но приведу все-таки небольшую справку. Эта таблица говорит, что во Владимирской губернии в 1913 г. умерло 29% младенцев до годового возраста, а в 1923 г. — 17 $\frac{1}{2}$ %. В Московской губернии — 27 $\frac{1}{2}$ % в 1913 г., а в 1923 г. — 13 $\frac{1}{2}$ %. В Нижегородской губернии в 1913 г. — 34%, а в 1923 г. — 17,3%. Таким образом, из этой таблицы вытекает, что смертность младенцев до годового возраста упала почти вдвое по ряду губерний, расположенных в разных местах. Я лично, просто потому, что мало осведомлен, не хочу и не смею утверждать, что эти цифры являются совершенно бесспорными. Компетентные товарищи сказали мне, что эти цифры проверены и вполне серьезны. Во всяком случае, я бы сказал, что они заслуживают величайшего общественного внимания и тщательнейшей не только специальной, но и общественной проверки, чтобы стать бесспорными для всех. Что эти цифры означают? Они означают, что в 1923 году, когда мы были значительно беднее, чем сейчас, и несравненно беднее, чем были до войны в 1913 году (а 1913 год, насколько помню, не был каким-нибудь исключительным годом в отно-

шении эпидемий, болезней и прочего), общественные формы организации, известный подъем культуры масс и связанные с этим последствия обеспечили чрезвычайное падение смертности мааденцев.

Опять-таки эти цифры подлежат тщательнейшей проверке, тщательнейшей мотивировке, для того чтобы они получили весь свой общественный вес. Если этот факт падения смертности бесспорен,— а я хочу надеяться, что это так,— то это заключает в себе исключительно благоприятное предзнаменование для дальнейших успехов и завоеваний культурных работников; и не последнее место будет принадлежать здесь работникам Здравоохранения, ибо ясно, что рост техники, рост производительных сил будет передавать в распоряжение данной трудовой общественной организации все более высокие культурные накопления для применения их в интересах трудящихся масс. Это означает, что в области здравоохранения чем дальше, тем больше перед нами будут открываться совершенно необозримые перспективы.

Исходя из этого, мы можем поставить вопрос так — где, в какой области, по какой линии проходит сейчас та черта, которая ограничивает наши успехи в области здравоохранения и культуры, по линии ли общественных рамок или по линии материальных ресурсов? Я лично полагаю — и надеюсь, что большинство из вас на опыте убедилось в том же, — что наш предел лежит не в области общественной формы, а в области наличных материальных ресурсов. Наша общественная форма гибка и целиком направлена на обслуживание интересов трудящихся масс. Тут могут быть ошибки, просчеты, но здесь нет враждебной этим массам классовой воли. Эта общественная форма есть выражение проясненной воли этих масс, — воли, обращенной на себя, на свои интересы. Весь вопрос заключается в том, в какой мере эта общественная форма вооружена ресурсами или, выражаясь на языке нынешней эпохи нэпа, в какой мере она снабжена деньгами. Это есть первый и основной предел. Но есть другой, и очень существенный, который также обозначился за прошлый год. Это — внутренние противоречия в нашем общественном строе, которых мы еще не изжили.

Этими основными противоречиями являются противоречия условий жизни и культурного уровня города и деревни. Эти противоречия ликвидировать и похоронить раз навсегда является труднейшей из задач социалистического развития. Противоречия города и деревни накапливались и слагались в течение веков. Капитализм в последней стадии обострил эти противоречия до последней степени. Наша страна сочетала в себе еще до революции черты Европы и отчасти Америки в своей промышленности и металлургии с чертами средневековья и азиатчины, и нигде противоречия не были так остры, как у нас. Эти противоречия, к устранению которых мы только делаем теперь первые шаги, выступают наиболее ярко, если мы сопоставим, например, Москву и подмосковную деревню. Москва является большим культурным городом, она ночью окружена куполом света, который поднимается до небес, а тут в 10—15 верстах — бревенчатая деревня, похожая на собрание старых ящиков, — во тьме в сугробах и в предрассудках старого. Преодолеть противоречия города и деревни, поднявши деревню до того, что есть лучшего в городе, является основной задачей социализма. Вы, работники деревни, встречаетесь на каждом шагу с ее отсталостью, с ее некультурностью, бедностью, с ее распыленностью, с ее бездорожьем. Но этот второй предел не абсолютный, он отодвигается по мере хозяйственного и культурного роста деревни. В той книге, которая, как мне сообщали, роздана делегатам, я нашел цифры о районах вашей работы. Тут, под Москвой, радиус района равняется 7 верстам, по промышленным губерниям — 12-ти, по земледельческим губерниям — 22-м, на Сев. Кавказе — 14¹/₂, в Уральской области — 46-ти, в автономных областях и республиках — 22-м и в Сибири — 48¹/₂. Вот каковы российские масштабы, при нашем бездорожьи, при наших проселках, непроезженных в течение месяцев. Этот радиус есть единица измерения нашей бедности, нашей культурной отсталости, и вместе с тем этот радиус призывает вас, врачей, подойти к задачам здравоохранения под углом общехозяйственных и культурных задач страны. Кажется, у Бальзака рассказывается о престарелом враче-идеалисте, который в каком-то районе Франции посвящает

остаток своих дней проведению дорог. Я думаю, что в этом вопросе врачи, оставаясь врачами и исходя из нужд и интересов здравоохранения, должны поднять свой голос, пробуждая местную инициативу, сочетая эту инициативу с инициативой центра. Я думаю, что одним из лозунгов ближайшего периода будет требование мостов и дорог. Мы говорим о смычке города с деревней, о смычке промышленности с сельским хозяйством, но без смычки городской культуры и цивилизации с крестьянским бытом мы этой смычки не добьемся, ибо смычка имеет в виду не отвлеченную идею, а конкретные, жизненные факты, и основным путем смычки является дорога между городом и деревней.

Борьба за дорогу есть борьба за культуру, борьба за культуру есть борьба за лучшую постановку здравоохранения.

Есть еще третье объективное условие, которое до известной степени может явиться преградой для культурных творческих усилий низового врача. Это — факт расслоения нашего крестьянства. Мы находимся на той стадии хозяйственного развития по пути к социализму, на той стадии культуры народных масс, когда не может быть еще и речи о том, чтобы строительство шло, опираясь только на сознание собственного долга каждого гражданина. Нужна еще и личная заинтересованность. Личная заинтересованность есть отражение факта общей нужды. Строить социализм только на чувстве долга и личной ответственности можно будет тогда, когда нужда отойдет в прошлое, а культура будет неизмеримо выше, чем сейчас. В области заработной платы городских рабочих промышленность сочла себя вынужденной от первых, поспешных, чисто уравнилельных попыток перейти к различным формам сдельной зарплаты, т.-е. такой, при которой оплата труда определяется непосредственно производительностью труда, а в том числе и его интенсивностью. В отношении распыленной деревни, которая состоит из 20 миллионов отдельных хозяйств, личная заинтересованность каждого хозяйства выражается через рынок. Рынок же ведет свою автоматическую работу, он поднимает одних и снижает других. Дифференциация в крестьянстве есть факт, а темп этой дифференциации составляет вопрос буду-

щего. Здесь нужен учет, тщательный анализ и тщательная регистрация. В своей работе врач низовой, участковый, сельский врач будет, конечно, встречаться с фактом большого или меньшего расчленения, расслоения крестьянства на каждом шагу. Разумеется, кулаку врачебная помощь доступнее, ибо у него больше свободного времени, и у него вообще имеются средства, бедняк же сплошь и рядом безлошадный хозяин, если он вообще хозяин. И вот специфические особенности работы сельского врача в том и состоят, что он видит всю изнанку хозяйственного процесса деревни, подходит к нему с самой жизненной его стороны. Участковый низовой врач даст, несомненно, свою общественную медицинскую оценку всем хозяйственным процессам в современной деревне и поможет государственной власти найти в деревне те пути, которые обеспечат медицинской помощью подлинные массы крестьянства, т.-е. подавляющее большинство среднего крестьянства и наиболее угрожаемую и в смысле болезней и в смысле недостатка медицинской помощи бедноту.

Недостачи у нас есть во всем. И я думаю, что здесь можно, вероятно, найти не одного врача с мест, который думает с некоторым оттенком скептицизма: „Да, все это хорошо, широкие общественные культурные задачи, социалистические перспективы, но вот послать бы тебя в мой участок с радиусом в 40 верст, попрыгал бы ты по сугробам, посмотрел бы крестьян в грязи, во всех тяжких болезнях, в невежестве, во тьме“. Разумеется, о перспективах можно говорить и для того, чтобы замазывать то, что есть. Но тот строй, который замазывает факты, есть строй обреченный. А мы строим новый „всерьез и надолго“ и ничего замалчивать не собираемся. Несомненно, у нас и в области медицины; как во всех других областях, требований, я не говорю уже про потребности, неизмеримо больше, чем возможностей и предложений. У нас сейчас и в Москве возродились хвосты перед мануфактурными лавками. В провинции их еще больше. Я уже не говорю про те хвосты, которые стоят у 40-градусной, и не случайно в своей приветственной речи, тов. Смидович указывал, что здесь — большое поле работы для врача, но я не хочу уклоняться в эту сторону.

Да, возродились хвосты, и что же, можно с уверенностью ждать, что в какой-либо белой газете, в том же „Руле“, появится передовица, которая попытается наши хвосты сегодняшнего дня приравнять к тем хвостам, которые мы наблюдали в конце империалистской войны и в первые годы революции. В переносном смысле можно говорить о „хвостах“ и в области медицины, врачебной помощи. В статье сборника, который вам роздан, я встретил указания, что требования со стороны крестьян на медицинскую помощь растут, а возможность удовлетворить их мала попрежнему. Точно также в тезисах по охране материнства и младенчества я нашел указание, что требования крестьянок на летние ясли в деревне растут, а возможность удовлетворить их тоже пока еще мала. Но, товарищи, если появление в наши дни таких же хвостов, какие были 7—8 лет тому назад (конечно, наблюдать хвосты у лавок тяжело, что и говорить), знаменует какое-то несоответствие между потребностью и возможностью, между спросом и предложением, то за этим сходством не следует упускать из виду существенного различия. Тогда, 7—8 лет тому назад, хвосты у нас образовывались на почве хозяйственного упадка страны, тогда всякий хотел получить хоть что-нибудь на сегодняшний день, всякий урезывал свои потребности до минимума, который на завтра оказывался уже недостижимым максимумом. Те хвосты были хвостами хозяйственного и культурного упадка. А сейчас? Возьмите статистику, цифры, возьмите крестьянскую семью, рабочую семью — и по линии мануфактуры и по линии кожи и гвоздя и всего прочего мы все же богаче, неизмеримо богаче, чем были 5—6 лет тому назад. Но потребность выросла неизмеримо больше, чем возможность ее удовлетворения. Этот рост потребностей сказывается во всех областях и давит по всем линиям. Вы знаете мысли старого крестьянина о медицине, о лекаре, о враче, — я не хочу эти мысли приводить, кто интересуется, пусть заглянет в словарь Даля, там собраны на этот счет поучительнейшие пословицы. А что мы видим сейчас? Есть ли сейчас огульное недоверие крестьянина к медицине, к врачу? — Нет, нет. Разумеется, здесь многое сделали и старые земские врачи, было бы смешно и нелепо это отрицать,

но многое, очень многое сделано новой советской медициной и общим культурным подъемом крестьянства.

А если взять ясли 6 лет тому назад? К ним крестьянка относилась, как к какому-то басурманскому измышлению, направленному на то, чтобы отнять у нее ребенка. А теперь она, наоборот, просит и требует—возьмите моего младенца в ясли. И вот требует одна, другая, третья,—образуется хвост, и этот хвост есть хвост нашего хозяйственного культурного подъема. Третьего дня председатель одного из трестов, электротехнического треста, жаловался на председателя другого треста, тоже электротехнического, что тот не выполняет вовремя заказов. Правильно. Если взглянуть в портфель заказов, то будет видно, что заказов набрано больше, чем можно выполнить. Я ему сказал: „Милый человек, ты стоишь в хвосте, все равно как хозяйка с кошелкой у мануфактурной лавки в Москве или Саратове“. Есть хвосты видимые и невидимые, есть хвосты медицинские, в том числе и по сельской медицине.

Откуда этот рост потребности? Этот рост возникает не на почве общего упадка, а, наоборот, на почве подъема. Он обгоняет возможности и порождает большие противоречия. Естественны неудовлетворенность и недовольство в связи с этим, но вместе с тем этот рост является важнейшим движущим началом нашего дальнейшего развития. Когда-то большой революционер, Фердинанд Лассаль, сказал про немецких рабочих, что они бедны не только материально, но они бедны еще сознанием своей бедности, т.-е. что у них нет потребности в лучшем. А вот основное завоевание Октябрьской революции как раз в том и заключается, что она раз навсегда отучила наши трудящиеся массы мириться с нищетой, тьмой, несправием, и этим вызвала напор новых и новых, все более растущих потребностей; и мы еще долго будем наблюдать несоответствие потребностей и возможностей и вытекающие отсюда хвосты, хвосты — нашего культурного роста.

Не для того, чтобы успокаивать медицинскую совесть сознательно, критически относящихся к своей работе врачей, привожу я эти общие соображения. Врачи ближе всего стоят к населению, врачи видят плюсы и минусы, видят изнанку,

врачу отвести глаза официальной и официозной панорамой благополучия нельзя, и хорошо, что нельзя, и никто этого не собирается делать. Но нужно, чтобы врач, как всякий сознательный, общественный, культурный работник, видел не только противоречия нашего сегодняшнего дня, но и понимал их вчерашние причины и завтрашние способы преодоления. Мы подходим с каждым днем все ближе к такому положению, когда наш приход и расход будет становиться все более ясным и отчетливым для всех граждан. Ведь вся суть нашего общественного строя в том, что он стремится и постепенно осуществляет полную ясность и прозрачность всех общественных отношений.

Капиталистический строй, не говорю уже про строй феодальный, монархический, целиком основан на маскировке, а мы хотим, чтобы весь наш общественный строй, — и мы к этому подошли и сделали в этом направлении много крупных шагов (я отсылаю всех хотя бы к так называемым контрольным цифрам Госплана), — чтобы все наши общественные отношения, наш приход и наш расход были открытой книгой перед каждым рабочим, работницей, крестьянином, крестьянкой, перед каждым культурным работником.

Нам необходимо накопление для того, чтобы уже не восстанавливать довоенный уровень, а для того, чтобы обновить весь основной капитал страны, обновить его и расширить на новых началах. Нам нужно накопление, и из этого накопления народного труда чем дальше, тем больше ценностей будет направляться по руслу культурных нужд и, в частности, здравоохранения.

Нам нужно обновить материальный инвентарь народа, страны. Это значит — обновить заводы, фабрики и их машины. Это значит — дать крестьянину соху, борону, трактор. Материальный инвентарь — это значит, прежде всего, сам рабочий и сам крестьянин. Обновляя капитал нации, капитал народа, капитал страны, мы должны обновить и основной капитал народного здоровья, ибо нигде судьба народа не зависит в такой степени от его здоровья, как у нас, именно потому, что мы — народ отсталый. У нас механический рабочий, т.е. машина, играет по

отношению к живому рабочему несравненно меньшую роль, чем в других странах. В Америке за каждым гражданином, хотя бы он сосал еще материнскую грудь, стоит 40 механических рабочих, а у нас за спиной советского гражданина стоит едва ли один механический рабочий.

Вот пока что узкий предел наших материальных ресурсов. Стало быть, наша страна будет подниматься вверх, еще в значительной мере опираясь на физическую силу живого рабочего. Эту физическую силу надо охранить, поднять, развить, укрепить. Надо обновить основной человеческий инвентарь Союза Советских Республик (*аплодисменты!*)

Товарищи, я не сомневаюсь, в этой работе врачи выполнят свою роль, выполнят свой долг. Я не делаю себе никаких иллюзий на счет того, что будто в среде врачей нет скептиков, нет сомневающихся. Это неизбежно, и так будет еще в течение значительного периода, но я думаю, что эти 8 лет страданий, совместно с трудящимися массами, 8 лет работы, борьбы связали тот кадр врачей, который представлен здесь, с строительством трудящихся масс навсегда. Как раз в числе тех газет нашей эмиграции, которые я цитировал вначале, мне попала (все в один день) газета Мильюкова от 21 ноября из Парижа, которая посвящает передовую статью нашей интеллигенции, в частности врачам. Статья называется: „Лик внутрирусской интеллигенции“. Есть интеллигенция внутрирусская, в отличие от внерусской. Значит ли „внутрирусская“ только то, что она находится в России, или это интеллигенция, живущая в одно с русским народом,— этого автор не поясняет. Здесь проведены тончайшие, сложнейшие разграничения внутрирусской интеллигенции. Здесь говорится, что в ней есть группа оживающая, правящая, есть группа нервно-реагирующая, говорится о том, что есть группа энтузиастов-профессиональных работников, группа, эволюционирующая в сторону коммунизма, группа, увлекающаяся религиозными вопросами,— целый ряд категорий (там так и сказано: „перебирая эти категории...“ и т. д.). Каждый волосок расщепляется в этой статье на 4 части, подвергается микроскопическому и химическому анализу, для того чтобы притти к следующему утеш-

тельному выводу: „очевидно, после этого обзора, приходится сделать приятный вывод, что между внутрирусской и внерусской интеллигенцией нет решительно никаких непреходимых граней“. Там, у внерусской интеллигенции, тоже имеются отживающие, правящие, эволюционирующие и т. п. группы. Стало быть, заключает автор, между тамошней и нашей интеллигенцией нет непреходимых граней. А я думаю, что мы имеем полное право отбросить эту филигранную психологическую работу, эту политико-психологическую трескотню или, вернее, это газетное вранье, и сказать — а что вы, голубчики, внерусская интеллигенция, там делаете? Вы ушли из страны, когда страна отстаивала свое существование в тяжчайшей борьбе, в войне и блокаде. Вы издаете газеты, на которые собираете подачки у всех магнатов капитала, во всех буржуазных государствах. Вы говорите, что нет непреходимых психологических граней. Да кто же у нас в деревне Московской или Саратовской губернии, или в Азербайджане, или в Туркменистане, кто среди рабочих и крестьян станет спрашивать,— и не только темный крестьянин, но и историк, серьезный историк завтрашнего дня, а не болтун,— кто станет спрашивать, к какой психологической категории относится русский врач имя рек? Нет, он спросит: где он был, что он делал в эти годы?

Мы говорим, что грань есть и эта грань непреходимая. В то время как внерусская интеллигенция остается в качестве приживальщицы европейского капитала и играет роль лизоблюдов, попрошайек при европейской буржуазии, и на ее подачки издает газеты,— в это время внутрирусская интеллигенция, несмотря на различие оттенков, симпатий и воспоминаний прошлого, осталась с народом, с рабочими и крестьянами нашей страны, нашего Союза. Там лизоблюды, приживалы, завистники, содержанцы. А здесь строители, здесь герои, здесь работники культурного строительства (*бурные аплодисменты*).

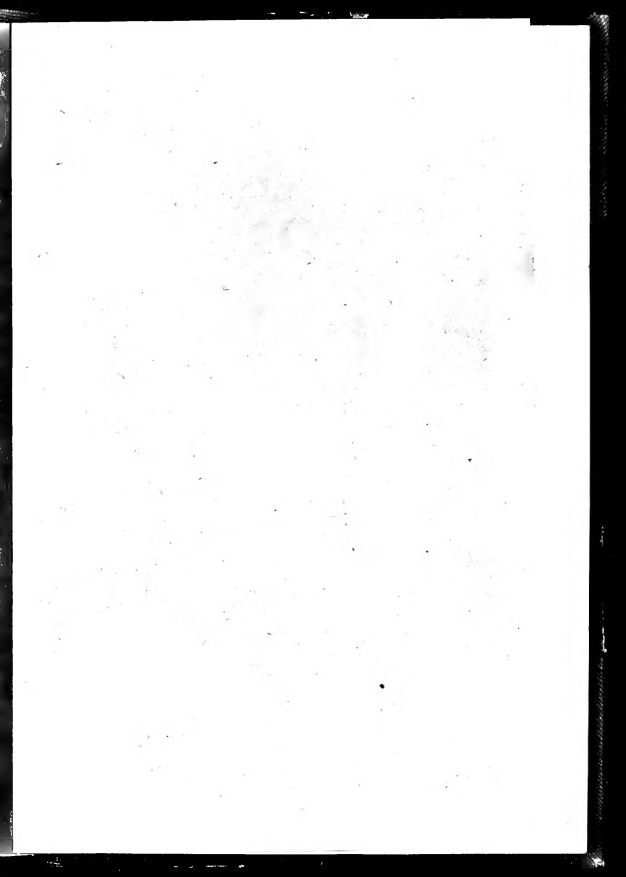
1870

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY
540 EAST 57TH STREET
CHICAGO, ILL. 60637

00663

Цена 10 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО НКЗ—РСФСР
„ОХРАНА МАТЕРИНСТВА И МЛАДЕНЧЕСТВА“
МОСКВА, М. Черкасский пер., д. 2/б. Тел. 4-15-90, доб. 23.

1p.

